

ЛЕДЯНАЯ ЛОВУШКА ДЛЯ ПИОНЕРОВ

ЭЛЬВИРА СМЕЛИК ЕКАТЕРИНА ГОРБУНОВА

Они вернулись за ответами, а попали в западню

Смерть в пионерском галстуке

Эльвира Смелик

Ледяная ловушка для пионеров

«Эксмо»
2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Смелик Э.

Ледяная ловушка для пионеров / Э. Смелик — «Эксмо», 2026 — (Смерть в пионерском галстуке)

ISBN 978-5-04-257326-2

Триллер в декорациях лагеря труда и отдыха от авторов «Смерти в пионерском галстуке». Игра на выживание в лабиринте тайных комнат. Лето, 1985 год Школьники из 7 «Б» отправляются «на картошку» в трудлагерь рядом с заброшенной усадьбой. По слухам, там хранятся ледяные статуи, удивительно похожие на живых людей, бродит призрак хозяйки-ведьмы, а в секретных комнатах спрятаны сокровища. Очарованные легендой, ребята решают исследовать особняк… А после летних каникул возвращаются совсем другими людьми, и теперь их опасается даже классная руководительница. Зима, накануне 1986 года Марина из того самого, но уже 8 «Б» класса получает анонимное письмо с приглашением в заброшенную усадьбу 30 декабря, чтобы узнать, что же на самом деле случилось в лагере летом. В особняке она встречает других одноклассников — и того, кто собрал их здесь. Однако приглашение оказывается ловушкой. Дверь наружу заперта, и, чтобы выжить, пионерам придется выбраться из лабиринта тайных комнат, пройдя по грани между жизнью и смертью… «У каждого лета остаются воспоминания, но некоторые лучше никогда не тревожить. Эта история о дружбе и предательстве, травле и чувстве вины, о попытке отомстить и невозможности вернуть прошлое назад. Здесь нет безусловно сильных и бесстрашных героев: каждый ошибается, боится, молчит и однажды оказывается перед выбором. Тревожная, живая и болезненно настоящая история о том, что некоторые раны становятся гораздо опаснее, если делать вид, будто их не существует». Ольга, автор книжного канала helga_but_olga

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-257326-2

© Смелик Э., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог 7
Глава 1 9
Глава 2 12
Глава 3 15
Глава 4 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Эльвира Смелик, Екатерина Горбунова
Ледяная ловушка для пионеров

© Смелик Э., Горбунова Е., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Всем бывшим бойцам летних трудовых лагерей посвящается

Пролог

– Ку-ку, мой мальчик! Ку-ку! – забавные слова из мультфильма прозвучали как изощренное издевательство, отчего захотелось всхлипнуть, забиться в угол и просто смиренно дождаться неизбежного.

Обычно происходило именно так, но сейчас Росик внезапно ощутил непонятно откуда взявшуюся упрямую решимость, собрался и действовал. Наверное, единственный раз в жизни. Первый и – неожиданно возникшая где-то на задворках сознания мысль ударила молнией, прожгла, – последний.

Однако Росик и тут не сдался: сжал кулаки так, что ногти с силой вонзились в ладони, и эта боль немного отвлекла, привела в себя. Хотя, заметив подходящего размера выбоину в стене, он не удержался, спрятался в нее, присел на корточки, затаился. Но лишь затем, чтобы перевести дух и подумать, как благополучно сбежать и не попасться. Но не только ради собственного спасения, а еще и в желании помочь остальным.

Преследователь наверняка неумолимо приближался, но больше себя не выдавал: ничего не говорил и передвигался почти бесшумно, даже несмотря на то, что был довольно крупным. Если их сравнивать, то на целую голову выше Росика и гораздо шире в плечах.

Пока они были заодно, это являлось преимуществом, но обернулось серьезной угрозой сейчас, когда их развело по разные стороны баррикад. Поэтому Росику оставалось надеяться… Нет, не на удачу, которая, похоже, напрочь забыла о его существовании, а только на собственные осторожность и изворотливость, давно вошедшие в привычку, превратившиеся в естественную составляющую его натуры.

Со стороны это, скорее всего, выглядело предосудительно и жалко, вполне заслуживало чужого презрения и насмешек. Но ничего не поделаешь, если приходилось не жить, а выживать.

И все-таки можно сказать, Росику повезло: удалось расслышать тихий шорох, определить расстояние и сразу следом придумать, что делать и как себя обезопасить. Ведь слишком велика была вероятность, что, даже в сгущавшемся сумраке, проходя медленно и внимательно осматриваясь, преследователь успеет его заметить. А допустить этого никак нельзя.

Разглядев совсем рядом с носком зимнего сапога камешек, Росик подобрал его и, аккуратно выдвинувшись из укрытия, метнул в противоположную сторону. Чтобы навести противника на ложный след и вынудить побыстрее проскочить мимо.

Уловка сработала. Преследователь перестал красться и таиться, торопливо бросился на звук, на пару секунд показавшись на глаза и дав немного форы, чтобы Росик смог переместиться туда, где его уже искали и больше не будут. И он на самом деле почти смог.

Почти.

Все бы получилось, если бы не та самая фатальная мысль. Она опять настигла, пронзила сознание, словно гаркнула в ухо: «У тебя не получится! Ты пропал!» – и швырнула прямо под ноги обломки кирпича.

И Росик ожидаемо о них споткнулся. Пусть не упал, но наделал шума, который выдал его с головой.

Он успел лишь зажмуриться и разочарованно подумать: «Лучше бы уж сидел на прежнем месте», как за спиной прозвучало:

– А-а! Вот ты где!

И сразу во рту появился мерзкий кислый привкус, сердце сжалось в тугой комок, словно его крепко стиснули в руке, а мысль внутри головы разрослась и оформилась окончательно: он недостойный, никчемный, бестолковый, слабый. Он – никто. Как постоянно повторял отец, ноль без палочки. И тогда зачем ему сопротивляться и спасаться?

Росик развернулся и увидел совсем близко лицо. Глаза, горевшие хищным огоньком. Ноздри, которые раздувались совершенно по-звериному, будто преследователь прекрасно чувствовал запах его страха. Искривленный в улыбке рот.

– Ну ты чего? Мы же друзья.

Росик попытался выжать из себя ответную улыбку.

– Ага, друзья, – согласился осипло, добавил заискивающе, но почти бездумно: – Ты так все здорово провернул. Теперь они точно надолго запомнят.

– Тогда зачем же ты от меня убегал? Как будто я тебе враг. – Собеседник с упреком поцокал языком, обиженно вздохнул, протянул: – Это нехорошо. За такое вообще-то наказывают. – А напоследок спросил, будто и правда предоставлял Росику право решать: – Как считаешь, следует тебя наказать?

Голос пробирал до костей. Казалось, он доносился отовсюду, каждый звук вонзался в сознание множеством острых иголок. В нем отчетливо слышались хорошо знакомые интонации, и даже то, что на самом деле напротив стоял не отец, роли уже не играло.

Где-то под грудиной возник и, словно морозный узор по стеклу, начал расползаться тупой холод равнодушия. Даже вместе с дыханием вырывавшийся изо рта парок исчез, словно Росик и правда вымерзал изнутри, превращался в одну из ледяных статуй, которые когда-то стояли в усадьбе.

– Я все понял, – пробормотал он безучастно. – Я больше так не буду.

– Правда? – строго уточнил собеседник, посмотрел пристально.

– Правда, – автоматически повторил за ним Росик и закивал часто-часто, как глиняный китайский болванчик, задетый пальцем.

– Тогда поднимайся, – собеседник благородно протянул руку.

И Росик в одно мгновение будто согрелся, поверил, действительно поверил, что все закончится хорошо. Хотя внутренний голос уже не шептал, а вопил во все горло, что зря. Что Росику дают надежду лишь затем, чтобы снова безжалостно отобрать. Что с ним играют, как кошка с мышкой, прежде чем окончательно растерзать и сожрать.

Глава 1

Из школы Дина Кушнер и Марина Новожилова обычно возвращались вместе. Потому что жили в одном доме – пятиэтажной блочной «хрущевке», – даже в одном подъезде, и уже восемь лет учились в одном классе. Вот и сейчас они вдвоем брели множество, может, даже тысячи раз хоженой дорогой, меся сапогами снег.

Вдоль домов дворники обычно успевали расчистить тротуары еще утром, хотя при сильном снегопаде их опять засыпáло к концу учебного дня. А в остальных местах прокладывать тропинки пешеходам приходилось собственными силами, точнее ногами. Из-за этого путь от школы до дома – да и в обратном направлении – занимал немного больше времени, чем в другие времена года. Даже в межсезонье, когда не закатанная в асфальт земляная тропа, проходившая мимо заборов частного сектора, превращалась в жидкую грязь, а лужи разливались в широкие моря, получалось быстрее.

Наверное, еще и поэтому зиму Дина недолюбливала. Из-за холода и пронизывающего ветра, из-за необходимости напяливать на себя огромное количество одежды, из-за таких вот дорожек, сжатых в тисках высоких сугробов, непривычно узких, неудобных, заваленных снежным месивом, по которым не идешь, а пробираешься.

Ноги заплетались, и ты, частенько теряя равновесие, покачивался из стороны в сторону, словно какой-нибудь пьяница, спина покрывалась липким потом, а лоб под шапкой начинал чесаться. Поэтому, когда наконец они с Мариной добрались до своего подъезда и ввалились в его сумрачное, дохнувшее сыростью и теплом нутро, Дина ощутила явное облегчение, скорее стянула с головы шапку, заправила за уши пряди густых темно-русых волос.

Понятно, что в пятиэтажках никаких лифтов не существовало, и девчонки привычно потопали вверх по лестнице, на ходу делясь планами на вечер. На площадке между первым и вторым этажом Дина скользнула взглядом по висящим на стене почтовым ящикам, увидела сквозь круглые отверстия, как внутри что-то белеет, и притормозила.

Скорее всего, это папин «Советский спорт» или «Комсомольская правда», которую вменялось в обязанность выписывать комсомольцам, а в восьмом классе ими становились практически все школьники. Кто не вступил в прошлом учебном году, того приняли осенью. Но кроме газет в ящике мог лежать и свежий номер литературного журнала «Юность». А в нем часто публиковали новенькие повести про школу, вроде «Из-за девчонки» Зюзюкина или «Завтра была война» Васильева.

В магазине такие истории не найдешь. Да там вообще особо ничего не найти, хотя все полки заставлены книгами. Но большинство из них даже открывать не особо хочется.

Что-нибудь стóящее можно купить только по случаю, отстояв огромную очередь, или по специальному талончику, сдав двадцать килограммов макулатуры. А Дина читать очень даже любила, но больше всего – что-нибудь такое, близкое к собственному возрасту и переживаниям. Поэтому она не стала сразу поворачивать к ступенькам, а направилась прямиком к ящику с нужными цифрами.

Когда-то он закрывался на ключ, но замок сломался, а ремонтировать его не стали. Да и большинство остальных ящиков тоже давно не запирались. Поэтому Дина вставила в круглое отверстие указательный палец, согнула его и с силой потянула на себя.

Дверца откинулась. Журнала внутри не оказалось, только газеты. Да ну и ладно. Значит, принесут завтра или послезавтра.

Марина пристроилась поблизости и проделала все то же самое со своим ящиком. Хотя в ее семье не выписывали вроде бы ничего, помимо обязательной «Комсомолки», сегодня ей досталось кое-что еще. Письмо.

– Это от кого? – машинально поинтересовалась Дина.

Марина осмотрела конверт с обеих сторон, но в итоге фыркнула, пожала плечами.

– Без понятия. – Сообщила озадаченно: – Здесь не написано. Вообще ничего. Только мое имя.

И правда: ни адреса получателя, ни адреса отправителя, ни почтового штемпеля. Значит, точно не чересчур заблаговременно отправленное новогодние поздравление от родственников. Лишь два слова «Новожиловой Марине», составленные из неровных печатных букв.

Кино да и только.

Какое-то время подруги просто молча пялились на конверт. Первое предположение, которое возникло в голове: внутри него пряталась любовная записка от какого-то тайного поклонника.

Признаться в своих чувствах прямо, глядя даме сердца в лицо, он постеснялся. Или испугался. Но и дальше держать их при себе не смог, поэтому изложил в письме, запечатал и подбросил в почтовый ящик. А теперь наверняка сидел и трясся от волнения, представляя, как Маринка читает эти трепетные строки, и размышляя, что она сделает потом.

Хотя вполне вероятно, их догадка далека от реальности и в конверте пряталось что-то совершенно иное.

– Откроешь? – опять поинтересовалась Дина.

Она не настаивала и не распоряжалась. Обычно Марина сама охотно рассказывала, что с ней случилось, и делилась секретами. Она и сейчас не возразила и не возмутилась, надорвала верх конверта, вынула из него сложенный вдвое листок – самый обычный, из тетради в клеточку, – развернула, пробежалась взглядом и сразу, буквально в одно мгновение, изменилась в лице. Настолько сильно, что Дина не могла не заметить.

И стало любопытней в сто раз, а еще волнительно и тревожно. Но внаглую совать в письмо свой нос она не стала, даже не придвинулась, стояла и ждала, чтобы Марина первой прочитала и решила, посвящать ее в суть дела или не посвящать.

Точнее, уже и не ждала. Ведь стоило увидеть, как лицо подруги застыло, словно окаменело, и вроде бы даже побледнело, с губ само сорвалось:

– Что там?

Дина невольно подалась вперед в неподконтрольном стремлении все-таки заглянуть в листок, но Марина моментально отмерла, резко мотнула головой и с напором выдохнула:

– Ничего.

Потом торопливо скомкала письмо, стиснула в кулаке.

– Гадость какая-то? – встревоженно уточнила Дина.

– Нет, – буркнула Марина, сунула бумажку в карман пальто. – Просто ерунда всякая. – И сразу нагнулась, подхватила поставленный на пол желтый дипломат[1] и сумку со сменной обувью, произнося с нарочитым нетерпением и даже раздражением: – Идем уже! А то жрать ужасно хочется.

Затем, не дожидаясь Дины, шагнула к ступенькам, и той ничего не оставалось, кроме как двинуть следом. Не торчать же теперь вечно возле ящиков, пытаясь разобраться в происходящем.

В заявленную подругой «всякую ерунду» Дина, естественно, не поверила, однако и расспрашивать больше не стала.

Если Марина захочет, сама расскажет. Но очень странно, конечно.

Любовное послание она точно показала бы. А если это обычное дружеское письмо, хотя бы сообщила, от кого. Да и выражение лица у нее тогда было бы другое, никак не испуганное.

[1] Небольшой плоский чемодан для деловых целей. Изготавливался из мягких или жестких пластиков, металла, искусственной или натуральной кожи. Дипломаты были очень популярны у советских старшеклассников в 80-е годы XX века.

Так что же на самом деле пряталось в этом конверте, помеченном только именем и фамилией получателя?

Оказавшись возле двери своей квартиры, Марина полезла в дипломат за ключом, не глядя на Дину, коротко бросила:

– Пока.

– Пока, – откликнулась та и потопала дальше, вроде бы как ни в чем не бывало, но на самом деле старательно отгоняя желание остановиться и снова спросить о содержании письма.

Но только какой в этом смысл? Марина вряд ли передумала за пару минут. Похоже, она и правда сильно испугалась, если не поделилась сразу. Но чего? Автор послания пригрозил ей, чтобы никому не рассказывала? А иначе… иначе похитит ее? Или вообще убьет?

Обычно так было в книгах или фильмах. А в реальной жизни подобное разве возможно? По крайней мере, до сих пор Дине ничего даже близко похожего не попадалось.

Глава 2

Мысли о загадочном письме вертелись в голове всю оставшуюся часть дня. Иногда Дина отвлекалась и напрочь забывала о нем, но потом опять вспоминала, порой совершенно неожиданно и не вовремя: и когда пыталась делать домашку – в этот момент особенно, – и когда ужинала, и когда легла спать. И утром тоже. А перед самым выходом они заполонили сознание целиком.

Потому что Марина за ней не зашла. А ведь всегда заходила, за исключением тех редких случаев, когда кто-нибудь из них болел или имелись другие уважительные причины пропустить уроки. Хотя обитала этажом ниже и могла просто подождать на лестничной площадке или даже в квартире. Но ей не лень было преодолеть два лишних пролета, чтобы убедиться: Дина готова, не прокопалась, не проспала. А последнее не раз бывало, ведь Дина – типичная «сова», и просыпаться рано по утрам для нее тяжкое испытание. А Марина – тот еще «жаворонок». Родителям ее и будить не требовалось – сама вскакивала раньше всех.

Ну и где же она? Почему до сих пор не примчалась, когда уже выходить пора?

С ней что-то случилось? Неужели тоже проспала? Или заболела? Или решила больше не выходить из дома? Именно из-за него, из-за письма.

Не тратя зря ни секунды, Дина оделась и выскочила из квартиры. В спешке и волнении даже едва не забыла ее запереть. Спохватилась только перед первой ступенькой, чертыхнулась, вернулась, но больше уже не стала задерживаться, ринулась вниз по лестнице с твердым намерением непременно выяснить, в чем дело.

Даже если в школу опоздает – ерунда! В жизни существуют дела и поважнее уроков. Сейчас она спустится на третий этаж, подойдет к двери Маринкиной квартиры, вдавит кнопку звонка и не сдвинется с места, пока подруга не откроет.

Правда, в реальности ничего из задуманного делать не пришлось. Марина вовсе не сидела дома, не болела, не пряталась, а, как обычно, готовилась идти в школу. Просто сегодня она не стала подниматься, заходить за Диной, а стояла на площадке между третьим и вторым этажом, смотрела в большое – почти от пола – окно, для безопасности закрытое декоративной решеткой.

Марина то ли всецело увлеклась открывшимся перед ней зрелищем, то ли чересчур сосредоточилась на собственных мыслях – так, что даже не расслышала Динины шаги. А когда та окликнула ее по имени, вздрогнула от неожиданности.

– Ты чего?

Дина приблизилась к окну, глянула в него, но ничего особенного не увидела. Всё как обычно: засыпанный снегом двор и стоящая напротив точно такая же серая «хрущевка», украшенная узором из хаотично разбросанных по фасаду бледно-желтых прямоугольников окон. Даже ни одного человека. Пусто, статично, монохромно и наверняка холодно.

– Не выспалась?

– Просто задумалась.

– О чем?

Марина сделала вид, что не расслышала последний вопрос, совсем как вчера, не дожидаясь, ринулась к лестнице, торопливо запрыгала вниз по ступенькам. Абсолютно молча. А Дина надеялась, что уж сейчас-то она сама заговорит про вчерашнее письмо. Но подруга о нем даже словом не обмолвилась, словно его не существовало, словно Дине оно просто привиделось или приснилось.

Да Дина сама легко в это поверила бы и напрочь забыла бы о загадочном конверте через несколько дней, но Марина вела себя странно. Чего тоже нельзя было не заметить, если у тебя есть глаза и ты не полная дура, не способная сложить два и два.

Во-первых, подруга стала менее разговорчивой, больше не делилась каждым своим впечатлением и мыслью. Определенно боялась на автомате сболтнуть лишнее, слишком увлекшись, а значит, точно что-то скрывала.

Во-вторых, порой настолько глубоко впадала в задумчивость, что переставала воспринимать окружающее. А подобное для нее нетипично.

В-третьих, постоянно с подозрительностью осматривалась по сторонам и внезапно оглядывалась, к месту и не к месту, словно пыталась кого-то обнаружить или подловить. В школе, на улице, даже в магазине.

А напоследок еще и шарахнулась, как от заразной, от Наташи Гребневой, когда та на перемене подошла к ней и попыталась заговорить. И, надо сказать, выражение лица у Наташки и в последние дни, и в тот самый момент тоже было далеко не беззаботным и радостным, а смятенным и даже каким-то болезненным.

Вот Дина и не выдержала. Плюнула на принципы, не стала ждать дальше, а чуть ли не потребовала:

– Мариш, да объясни уже, что происходит! И не говори, что ничего. У меня, конечно, есть проблемы со зрением, но не настолько же, чтобы совсем уж не видеть. – А чтобы долго не ходить вокруг да около, определила конкретно: – Это из-за того письма, да?

Подруга потупилась, сжала губы. Какое-то время молчала, не упрямо, а скорее неуверенно, внутренне разрываясь между противоположными желаниями. Но в конце концов тоже не выдержала, тяжело вздохнула, пронзительно глянула исподлобья и тихо призналась:

– Ну да, из-за него. – И опять нерешительно умолкла, все еще не определившись, выкладывать факты целиком или все-таки скрыть главное.

Видимо, Дине так и придется ее расспрашивать, вытягивать каждую следующую фразу.

– И кто его написал?

– Не знаю. – Марина дернула плечом. – На листке тоже никакой подписи не было.

– А что было?

Им помешал звонок, громко заверещал на одной ноте в самый неподходящий момент, заглушив не только голоса, но и все остальные звуки.

Повинуясь ему, дверь нужного кабинета широко распахнулась. В проеме появилась Людмила Леонидовна, учитель химии и по совместительству классный руководитель их восьмого «Б». Вышла в рекреацию и, дождавшись, когда звонок отгремит, произнесла:

– Побыстрее заходим, побыстрее. Сейчас же у вас лабораторная.

– А чего тогда раньше не впустили? – как всегда недовольно пробубнил Гоша Товстигов, нарочито степенно вышагивая к кабинету вместе со своими приятелями Антоном Панариным и Камилем Халиковым.

В ответ Людмила Леонидовна, тоже как всегда, покачала головой и назидательно пояснила:

– Да потому что, Товстигов, нужно было прибраться после предыдущего класса, проверить реактивы и расставить чистую посуду.

Гоша ничего не сказал, вошел в кабинет и потопал к своей парте, а вот Халиков зачем-то притормозил возле самого порога, обернулся, скользнул взглядом по почти опустевшей рекреации, на секунду зацепил им девчонок.

Дина заметила краем глаза, но отвлекаться не стала – и мысли другим были заняты, и заботы имелись поважнее. Она до сих пор не сделала ни шага, но не потому, что плевать хотела на слова Людмилы Леонидовны. Просто ждала. Или все-таки специально тянула, надеясь добиться ответа от Марины.

Подруга нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Ее смущало, что они по-прежнему стояли, несмотря на призывы и вопросительно-строгие взоры классной.

– Так что там было, в письме? – повторила Дина.

– Потом, – выдохнула Марина. – После уроков, дома, я тебе покажу, – закончила скороговоркой и тут же сорвалась с места.

Но не потому, что собиралась отвязаться и сбежать. Они же не только в одном доме жили, в одном подъезде, но и сидели за одной партой. И вряд ли подруга рассчитывала, что до конца уроков Дина забудет о договоренности.

Марина не такая: раз пообещала, значит, точно сделает, – и Дина ни словом не стала напоминать раньше времени. Даже пока шли из школы до дома. А возле своей двери подруга сама спросила:

– Идешь?

Оказавшись в квартире и торопливо избавившись от уличной обуви и одежды, они сразу прошли в дальнюю комнату, которую Марина делила со старшей сестрой-студенткой. Поэтому злополучное письмо она хранила не в письменном столе, одном на двоих, а под матрасом. Приподняла его, нашарила конверт, достала, протянула Дине. Та, конечно, взяла, но заглядывать внутрь не торопилась.

Сейчас письмо воспринималось иначе, уже не казалось забавным и безобидным, а действительно выглядело недобро-подозрительным. Хотя бы тем, что имя получателя было выведено печатными буквами. Явно же для того, чтобы скрыть настоящий почерк.

Или Дина невольно переняла отношение подруги? Еще даже не разобравшись. Хотя это тоже нормально.

Сами по себе вещи просто вещи. А значение они обретают только через человеческие эмоции – наши собственные или чужие, – когда становятся нужны или дороги, вызывают радость, пугают или заставляют плакать.

Дина раздвинула надорванный край, ухватила прятавшийся внутри листок двумя пальцами, вытянула, развернула, разложила прямо поверх конверта, пробежалась глазами по словам, тоже написанным печатными буквами. Хорошо хоть не вырезанным из газет и журналов, как в «Собаке Баскервилей» Конан Дойла.

Всего несколько строчек:

«Я знаю, ты все помнишь. И, если хочешь выяснить, что тогда случилось на самом деле и кто в этом виноват, жду тебя в студилинской усадьбе 30 декабря в 13:00. Не опаздывай. До скорой встречи!»

Дина перечитала их целых два раза. Нет, смысл послания она и с первого поняла, но все равно была в замешательстве.

Если честно, она ожидала другого. Точно не сказать, чего именно, но определенно другого: более зловещего, жуткого, мрачного. Угроз, например. Или предупреждения, типа скоро с подругой случится нечто ужасное. Фраз, которые действительно способны напугать и заставить молчать. А тут…

– Тогда – это когда? – озадаченно уточнила она, но тут же сама предположила, зацепившись за слова «студилинская усадьба»: – Летом? В ЛТО?

Марина сглотнула и подтвердила:

– Да.

И опять сжала губы, будто опасалась, что они задрожат. Подруга по-прежнему выглядела обеспокоенной и подавленной, а Дина по-прежнему не до конца понимала, отчего.

– Так вроде же ничего особенного там не случилось, – продолжила она достаточно убежденно, пусть и без напора. – Ну-у слазали мы без разрешения в старый дом. Но в нем и не было ничего. Ну-у учителя узнали, прочитали нотации, попугали. Да ведь даже особо не наказали. Только двойку по поведению за первую четверть влепили. Но речь вообще не о том. И всё ведь.

– Не всё, – возразила Марина свистящим шепотом, добавила с нехарактерной для нее ноткой истеричности и даже как будто с осуждением: – Ты просто уехала раньше. Потому и не знаешь.

Глава 3

С недавних пор Людмила Леонидовна довольно настороженно относилась к подросткам. Примерно как к гранате с неисправной чекой. Вроде и на месте, но никаких гарантий, что не сорвет в самый неожиданный момент, и тогда мало не покажется.

Свой нынешний класс она получила сразу после начальной школы, когда ребята чувствовали себя неуютно из-за непривычных порядков и раскладов на новом этапе их школьной жизни, и это умиляло. Они сами сбивались вокруг классной руководительницы, как растерянные птенчики, и с ними легко получалось найти общий язык.

Еще в прошлом учебном году и даже летом, когда поехали в ЛТО, ребята были другими. Да, уже гораздо менее послушными, не настолько доверчивыми и открытыми. Да, с намеками на дерзость и наглость, с прощупываниями слабых сторон, сильно повзрослевшими. Но все равно своими, а сейчас…

Сейчас Людмила Леонидовна и сама норовила ограничить общение с подопечными, насколько допустимо. Отвела урок – и достаточно. Никаких задушевных разговоров, никаких совместных мероприятий, помимо обязательных, навязанных свыше. Сугубо деловые отношения. И даже с девочками было не намного проще, чем с мальчиками.

Неужели и Юрик совсем скоро станет таким?

Пятый класс – переломный момент. Стоило подумать, чем всё может обернуться, и нестерпимо тянуло вздохнуть и поежиться.

А ведь раньше Людмила Леонидовна считала, что поведение в переходном возрасте больше всего зависит от характера. Но у ребят из ее восьмого очень разные характеры, а результат получился одинаков. Будто кто-то всемогущий провел черту, отделил прошлое, причем так, что оно стерлось почти без следа, и не просто изменил бóльшую часть учеников, а подменил – на иных, чужих и незнакомых.

Неужели и так бывает?

Людмила Леонидовна задумалась, вспоминая, что же такое произошло этим летом.

Да поначалу точно ничего особенного. Тем более для ее ребят не в новинку поездка в ЛТО. Проходили уже – годом ранее, после шестого класса.

Совсем уж ровно и гладко, конечно, не обошлось: были и проступки, и шалости, и дурацкие выходки. Но это, можно считать, в пределах нормы, особенно по сравнению с тем, что творилось два года назад в пионерском лагере «Спутник»[2].

От воспоминаний того лета тоже хотелось поежиться. В мистику, волшебство, конспирологию и прочее сверхъестественное Людмила Леонидовна не верила, а все эти долетавшие до нее слухи и обрывки разговоров о месте силы, о проклятии, о воздействии красной луны и туманов на психику людей считала сущим бредом. Но и отрицать не могла, что два года назад в последнюю августовскую смену в «Спутнике» происходило что-то чересчур странное, которое не впишешь в привычные, даже довольно широкие рамки.

В лагерях всякое случалось, но тут и правда было что-то запредельное. Смерть медички и начальницы Авии Аркадьевны, несколько серьезных несчастных случаев, включая жуткий поступок Олега Матвеева. И в завершение – массовый погром, который устроила толпа словно обезумевших в один момент детей.

Хорошо, что Юрика не коснулось это помешательство. Хотя он никогда не был идеальным ребенком, примерным паинькой, но тут проявил себя дисциплинированно и стойко. Совсем по-мужски.

---

[2] Подробнее об этих событиях рассказывается в книге «Пионерская клятва на крови».

Людмила Леонидовна не удержалась, улыбнулась, подумав о сыне. Но тут же вздохнула, опять вспомнив про неумолимо приближавшийся переходный период, способный в корне все поменять.

– Можно? – в класс вошла Дина Кушнер.

Она, пожалуй, одна из тех немногих, кто после лета остались прежними.

Кушнер и раньше была не слишком простой и открытой, немного себе на уме, но и чрезмерно никого не сторонилась. Вполне общительная, приветливая и активная, а вот остальные…

Был же дружный класс. А теперь даже давно сложившимися компаниями редко собирались, только по двое, максимум по трое, и без необходимости тоже почти не разговаривали друг с другом.

– Чего тебе, Дина?

– Так я же дежурная. Пришла в классе прибрать.

– Да, да, конечно, – закивала Людмила Леонидовна. Похоже, она настолько глубоко увязла в невеселых размышлениях, что прослушала звонок с шестого урока, но уже через секунду вернулась к привычному рабочему ритму. Еще и осознала до конца, что не так, а подходящие ситуации вопросы уже сами вырвались: – А почему одна? Кто с тобой еще должен быть?

Обычно же ученики дежурили по двое, чаще мальчик с девочкой, чтобы распределить обязанности соответственно возможностям. На первом – что потяжелее, например ведро с водой принести, стулья поднять, парты подвинуть. На второй – старательность и аккуратность.

Дина отвечать не торопилась, видимо, не хотела сдавать одноклассника. В таком возрасте с этим их подростковым максимализмом ребята даже подобную чепуху запросто могли возвести в разряд стукачества и предательства. Но потом поняла, что классному руководителю достаточно свериться со списком, лежащим в журнале, и нехотя проговорила:

– Халиков.

– Ну и где он?

– Наверное, у него дела какие-то, – довольно безучастно выдала Дина. Собрала волосы – не короткие, не длинные, пониже плеч – в хвостик, затянула резинкой. Затем направилась к хозяйственному шкафу, в котором хранились ведра, швабры и тряпки, но, дойдя до него, обернулась и пояснила: – Просто я спросить не успела. Он как-то быстро пропал сразу после звонка.

Людмила Леонидовна неосознанно напряглась. Уж очень не понравилось ей слово «пропал», неприятно корябнуло, будто кто-то провел по стеклу пенопластом.

Опять последствия той августовской смены в «Спутнике». Тогда Людмиле Леонидовне за глаза и за уши хватило необъяснимых и неожиданных пропаж. Но сказать она ничего не успела, потому что Кушнер продолжила почти без паузы.

– А можно я лучше с кем-нибудь другим отдежурю? – попросила вежливо и сама же предложила: – С Мариной Новожиловой. Мы и без мальчиков справимся.

– А чем тебя Камиль не устраивает? – поинтересовалась Людмила Леонидовна.

– Почему не устраивает? – увильнула от прямого ответа Дина. – Просто мне лучше с Мариной.

Значит, здесь действительно что-то нечисто и Людмила Леонидовна близка к истине.

– Так мне что, уйти? – внезапно прилетело от входной двери.

Халиков с опозданием, но все-таки объявился и теперь стоял на пороге, сумрачно смотрел из-под свисавших до самых глаз густых черных вихров.

Дина коротко глянула на него, равнодушно дернула плечами.

– Да как хочешь. Мне все равно.

Камиль недобро сощурился, а Людмила Леонидовна буквально ощутила, как воздух в кабинете раскалился, опасно завибрировал, и встревоженно подобралась.

Вот оно, вот! То самое, что ее беспокоило в последнее время.

Ведь вроде и причины нет, а эти двое уже готовы повздорить, сцепиться на пустом месте. Ладно Халиков. Он всегда выделялся самоуверенностью, дерзостью и горячностью. Но ведь и Кушнер туда же. Похоже, и ее задело.

– А вот мне не все равно, – со значением заявила Людмила Леонидовна. – Раз положено, надо отдежурить. Обоим.

Хотя, если откровенно, захотелось побыстрее от них избавиться, а не наблюдать лишний раз, как рассыпается на осколки отстроенный за четыре года дружественный и сбалансированный мир.

– Протрите как следует доску, подметите, – распорядилась она с легким раздражением, – и можете быть свободны.

А в голове по-прежнему безостановочно крутилось: в чем же все-таки дело? Почему ребят в новом учебном году будто подменили? Что такое особенное случилось в ЛТО прошедшим летом? Возможно, Людмилу Леонидовну не зря обеспокоила произнесенная ученицей фраза про пропажу? И виной тому не только события в «Спутнике».

Глава 4

Лето

В летний лагерь труда и отдыха – сокращенно ЛТО, а по-простому «колхоз» – в их школе обязательно ездили после шестого и седьмого класса. И отбрыкаться от этой «почетной» обязанности не удавалось почти никому.

Единственная возможность – по состоянию здоровья, если у тебя имелся медотвод из-за серьезной болезни или ты своевременно сумел подцепить какую-нибудь жуткую заразу. Но у них в бывшем седьмом «Б» все были катастрофически здоровы и полны сил.

Поэтому хочешь не хочешь, а пришлось паковать вещи и ранним июльским утром вопреки здравому смыслу и каникулярному распорядку тащиться в школу. Или, скорее, к школе. Чтобы собраться на площадке перед высоким крыльцом, на которой обычно проводились первосентябрьские линейки, пересчитаться, загрузить багаж в специально отведенную для этого машину, а потом самим загрузиться в автобусы.

Те заранее поджидали, выстроившись колонной вдоль ближайшей к школе дороги, – оранжево-желтые, видавшие виды, на время снятые с городских маршрутов «Икарусы», на лобовых стеклах которых вместо номеров красовались таблички с надписью «Дети». Ровно шесть штук. По количеству отрядов, равному количеству жилых домиков в лагере.

Хотя шестых и седьмых классов всех вместе в школе насчитывалось девять. Из-за чего какие-то из них попадали в отряд целиком, а оставшиеся начальственным решением делились на части и распределялись по свободным местам. Например, седьмому «Б» добавили ребят из седьмого «Г». А еще русичку Галину Ивановну.

Расселись, в очередной раз пересчитались, дождались сигнала – и вперед. Навстречу насыщенному совместному отдыху, но главное, трудовым свершениям и подвигам. Чуть больше часа езды, от которого реальность незаметно и неумолимо отщипывала минуту за минутой.

Автобусы стремительно катили по серой, казавшейся бесконечной ленте шоссе, за окнами мелькали обычные загородные пейзажи: поля, луга, леса, деревни. Взгляду зацепиться не за что.

В салоне было душно, несмотря на приоткрытые форточки, а врывавшийся в них ветерок не освежал, а приносил запах пыли и новые порции густого, раскаленного жарким летним солнцем воздуха. Всё как и в прошлом году. Даже направление то же, хотя пункт назначения другой.

Раньше школа ездила в лагерь, располагавшийся рядом с деревней с довольно экзотическим и непривычным для их местности названием – Львы. Но, как сказали, весной там что-то случилось, вроде бы пожар, и пара жилых корпусов сгорела.

Восстановить до лета их не успели или не посчитали нужным, поэтому сейчас ребят везли в новый лагерь, совершенно незнакомый. А находился он возле села Студилин Погост.

Услышав название, Гоша Товстигов громко вздохнул, положил ладонь на грудь и, качая головой, мелодраматично изрек:

– Куда мы едем? Куда мы едем?

– Товстигов! – обратилась к нему Людмила Леонидовна. – Ну что опять не так?

– Как что? – С прежними театральными интонациями возопил Гоша. – Вот сами посудите, Людмила Леонидовна. Хорошее место погостом не назовут. – А в ответ на вопросительные взгляды, сообщил: – Это же кладбище по-другому.

– Георгий, – вмешалась Галина Ивановна. – Конечно, крайне похвально, что ты разбираешься в значении слов. Но… твои познания весьма ограниченны и однобоки. – И, словно авто-

матом переключившись на привычный рабочий режим, принялась объяснять, как на уроке: – Слово «погост» образовано от древнерусского глагола «гостити». То есть быть в гостях. Изначально так называли место, где останавливались купцы. В нем торговали, обменивались новостями, заключали сделки. Это такой торговый узел, вокруг которого постепенно вырастало поселение. Естественно, со временем в таких поселениях строили церкви. А хоронили обычно с ними рядом. И такое место становилось не только торговым центром, но и духовным. Это в наше время погост стал синонимом кладбища. Так что не переживай. Ничего страшного с тобой не произойдет. Считай, что едешь в гости к радушным хозяевам, – заключила она с чуть снисходительной улыбкой, – которые тебя и накормят, и напоят, и спать уложат.

– И пахать на поле заставят, – без всякого энтузиазма продолжил Гоша, критично выпятил и без того полные губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.